

Участие Слободско-Украинской губернии в Отечественной войне 1812 г.

В обширной историографии Отечественной войны 1812 г. проблемы участия территорий, удаленных от театра военных действий, все еще остаются недостаточно исследованными. Между тем их изучение представляет значительный интерес с точки зрения отношения к войне различных групп провинциального общества, а также методов деятельности местной администрации и органов сословного представительства по реализации патриотических починов. Цель настоящей работы — осветить события 1812 г. в Слободско-Украинской (Харьковской) губернии.

Вскоре после вторжения Великой армии в пределы России император Александр I подписал манифест о всеобщем ополчении: «Неприятель вступил в пределы наши... собранные им разнороджавныя силы велики... сего ради... полагаем мы за необходимо нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой, и в защиту домов, жен и детей каждого и всех... взываем ко всем нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям... приглашая их... единодушным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений». Инициатива в деле создания ополчений отводилась дворянству. Ему предоставлялось право «сводить поставляемых... для защиты Отечества людей, избирая из среды самих себя начальника над оными...».

В указанное время в Харькове губернским предводителем дворянства был Андрей Федорович Квитка — родной брат известного украинского писателя Григория Квитки-Основьяненко. В истории Харьковского ополчения 1812 г. ему суждено было сыграть одну из главных ролей. И друзья и недруги одинаково признавали выдающиеся качества Андрея Федоровича. Один из последних отозвался о нем так: «Бог сделал форму губернского предводителя дворянства — отлил Квитку и разбил ее».

Другим главным действующим лицом был харьковский губернатор Иван Иванович Бахтин. Свой пост он занимал с 1803 по 1814 г. Современник характеризовал его как весьма деятельного и умного начальника, «какого уже не было после него в Харьковской губернии». Историк Д.И. Багалея называет его «типичным представителем идеи просвещенного абсолютизма, уверенного, что благожелательное и просвещенное начальство лучше знает, что нужно для блага общества, чем само общество...», и потому испытывавшего большее расположение к полиции, нежели к городскому самоуправлению¹.

Получив манифест об ополчении, А. Ф. Квитка, по согласованию с губернатором, назначил созыв дворянского собрания на 27 июля «к уяснению распоряжения и постановления относительно вышеизъясненного, наиважнейшего, по теперешним, государства, обстоятельствам предмета». Купечеству, через городскую Думу, было предложено также «точно определить количество и образ своего пожертвования и способствования составлению губернского ополчения...». Общее собрание губернского дворянства собралось 28 июля и продолжалось четыре дня². Сюда же «во избежание переписки и промедления» пригласили городского голову и депутатов от купцов. В первый день было решено «выставить для внутренней защиты временное ополчение», для чего всем сословиям губернии следовало снарядить на службу по одному человеку от 50 душ. Из этих людей сформировать конный полк, численностью 1350 казаков, остальных определить в пешие стрелки и пешие казаки. На все издержки по содержанию ополчения 29 июля дворяне договорились внести по одному рублю с души от всех сословий.

На следующий день было определено, чтобы в ополчение принимались казаки от 18 до 45 лет, «способные к поднятию оружия». Лошадей для них позволено было брать «лишь бы были здоровы и для казачьей службы способны и не дикя, без всякого наблюдения и разбора статей их». Собрание рассмотрело и утвердило все подробности экипировки будущих ополченцев. Проблема заключалась в снабжении предполагаемого ополчения оружием. Его запасов в губернии не было. Правда, кое-что осталось от милиции 1807 г., но оно нуждалось большей частью в серьезном ремонте, а то и вовсе было непригодным к использованию. Посему дворяне решили послать за оружием в действующую армию.

Наконец, 31 июля для руководства всеми делами по формированию ополчения был избран комитет в составе губернатора, вице-губернатора, губернского предводителя дворянства, судьи и предводителя дворян Харьковского уезда. Тогда же были избраны и командиры: губернским начальником генерал-майор Захарий Иванович Бекарюков, начальником в конный полк — полковник Михаил Матвеевич Куликовский, в пешие — подполковники Владимир Яковлевич Донец - Захаржевский, Александр Миронович Времов, Алексей Михайлович Двигубский. Избрали также батальонных и сотенных начальников и офицеров в полки — всего 217 дворян³.

Городская Дума призвала горожан к жертвованиям на ополчение и сама приняла в них участие. Но по поводу размеров собранной суммы случился конфуз, потребовавший объяснения харьковского городского головы перед Бахтиным. Дворяне в Собрании задали приглашенным туда представителям купечества вопрос: много ли оно жертвует «в пособие составляемому губернскому ополчению от всех состояний: а как на сей вопрос ответствовано было, что харьковское купечество на содержание губернского ополчения жертвует от себя

двадцать три тысячи триста шестнадцать рублей, то дворянское сословие, почитая сие пожертвование малым, отрынуло оное...». Опасаясь, вероятно, упреков в «непатриотичности», городской голова сетовал на то, что дворяне действовали, «не войдя в познание купеческих капиталов», и заверил губернатора, «что вторая гильдия должна взнесть по триста пятьдесят рублей, а третья по сто сорок рублей, и сим пожертвованием не ограничивается, но по любви к отечеству и по усердию своему содействовать общей пользе готовы и впредь жертвовать по мере возможности...»^{iv}. Этот эпизод, характеризующий отношения между дворянством и купечеством, служит наглядной иллюстрацией вывода историков о том, что «дворянство выступает в этой войне как более или менее организованное целое...», в то время как купечество «выражает патриотические чувства, глухо волнуется, но при этом... стоит темною массою статистов на заднем плане исторических событий»^v.

Посреди, по выражению современника, «повсеместного вооружения населения» страну застал манифест от 18 июля, ограничивавший район формирования ополчения 16-ю губерниями Центральной России и Поволжья. Харьковская губерния оказалась за пределами этой зоны, и все хлопоты вокруг ополчения улеглись.

Снова вопрос о созыве ополчения возник в конце сентября, в связи с вестью о вступлении Наполеона в Москву. Как вспоминал А. Ф. Квитка, «известие о занятии Москвы поразило всех умы, большая часть дворянства... готовилась вооружаться, и.. от меня стали требовать того официально. Многолюднейший дворянством и населением своим Изюмский уезд прислал... депутатов, прося позволения на вооружение себя и людей своих, а дворянство Купянского, Змйевского и Лебединского уездов чрез предводителей своих официально изъявляло таковую же готовность. 24 сентября на собрании уездных предводителей, коих присутствовало 9 из 11, решено "составить ополчение для собственной защиты...". То, что столь ответственное решение принято было не на общем собрании, а в присутствии лишь узкого круга выборных представителей, губернский предводитель оправдывал тем, что «краткость времени не позволяет составить общее дворянское собрание, а положение обстоятельств требует решительных мер ... которые бы дали ... способы к ограждению нашего края, чести и безопасности губернии».

26 сентября уездные предводители выработали определение из 10 пунктов, намечавшее конкретные меры по созданию ополчения. Формировать его предполагалось на тех же основаниях, какие были утверждены еще в июле. К участию предполагалось привлечь многочисленных в губернии казенных крестьян, мотивируя это тем, что «мы все подданные одного государя, все сыны того же отечества, которое, к сожалению нашему, неприятели теперь разоряют!... А потому и вооружение должно быть совокупное». Дворяне, представители других сословий призывались жертвовать «на защиту отечества» оружие, деньги, порох, свинец, хлеб и т. п. О своем решении предводители донесли губернатору, чтобы тот информировал Петербург и получил на него официальное позволение. На том же собрании 26 сентября, «для точного и верного сведения о положении дел», определено отправить депутата от Изюмского уезда капитана Сергея Алексеевича Левшина в действующую армию к Кутузову, чтобы вручить ему письмо губернского предводителя дворянства и «получить на оное словесный или письменный ответ». «Сие уведомление и предписание его светлости будет служить руководством в действиях дворянских; а потому до получения оного назначенного ополчения не выставлять»^{vi}.

28 сентября А. Ф. Квитка пишет письмо князю Кутузову следующего содержания:
«Светлейший князь милостивый государь!

Слободско - Украинское дворянство, по получении высочайшего манифеста, призывающего все состояния на оборону отечества, определило составить значительное ополчение; но в самое то время, когда оное выставлялось, последовало высочайшее повеление, отменяющее сие ополчение, место которого заступил рекрутский набор. Победы вашей светлости подают несомнительную надежду, что враг, знаменитыми подвигами вашими, будет наконец истреблен, или изгнан из пределов России; но по преданности Слободско - Украинского дворянства к августейшему престолу и любви к отечеству, оно, желая способствовать общему делу всеми возможными ему способами, в лице моем осмеливается просить вашу светлость не оставить его извещением о том, что если военные действия будут приближаться к пределам губернии нашей, то в таком разе, изволите вы, светлейший князь, полагать, что ополчение сей губернии из дворянских и казенных крестьян составленное, должно быть нами приготовлено и выставлено. Благоволите, светлейший князь, руководствовать нас в сем разе повелениями вашими»^{vii}.

Обращение к Кутузову не было простой формальностью. Дело в том, что действия губернского и уездных предводителей, принявших решение относительно ополчения без учета мнения остальных дворян, подверглись со стороны многих из них серьезной критике^{viii}. Собрание дворян Харьковского уезда 30 сентября 1812 г. постановило: «Как на то нет высочайшей воли, ниже и никакого от правительства повеления да и о настоящей опасности от врагов России извещения здешняя губерния не имеет, то и на таковое самопроизвольное ополчение мы согласиться не смеем...» Помещик того же уезда генерал-лейтенант Иосиф Хорват, сообщая местному предводителю, что в «своевольном и, может быть, излишнем предположении» губернского предводителя «ополчить Украину против врага всей России» он участвовать не намерен, предложил направить на

собственный счет к Кутузову посланца «с донесением о несправедливом его, господина губернского предводителя, постановлении...»

Дворяне Ахтырского уезда заявили на своих собраниях 25 и 28 октября, что «без высочайшей монаршей воли и без предписания вышнего правительства не смеют сами собой произвести ополчения в действо». Мотивы у критиков А. Ф. Квитки были различными. Если одних, подобных Хорвату, оскорбляло пренебрежение, проявленное к их личности и мнению, то другими двигали экономические соображения. Изюмский помещик Р. Шидловский, полагая намечаемые меры «непомерными», прямо вопрошал: «После всего сего кого оставляем... возделывать поля, прокормить старых и малолетних, чем будем в силах содержать предполагаемое войско... где оружие, порох и прочее, чего и сколько надо, на сколько времени и что придется собирать с душ же, обременяемых при всяких постановлениях собственных? Собираемый народ никакой пользы нам сделать не удобен и, разоряя оной поборами... не подвергнем ли себя же законному осуждению и ответу богу?»

Между тем 18 октября вернулся капитан Левшин и привез ответ Кутузова: «С сердечною признательностию читал я отношение вашего превосходительства от лица всего слободско-украинского сословия, приписывающего успех оружия моему усердию. Я с своей стороны справедливо должен сказать, что отечество будет признательно слободско - украинскому дворянству за усерднейшее напряжение его к защите онаго. Между тем, собранным ополчением должно распорядиться таким образом, чтобы оные, ограждая пределы губернии своей, с той стороны, которая ближе, или может быть ближе к театру войны, приобучалось к порядку; когда же оному подобно будет действовать, то не премину снабдить его моими повелениями»^{ix}.

30 октября созваны были в Харьков уездные предводители и депутаты от дворянства на очередное собрание. Здесь явно обнаружилась оппозиция ополчению, ссылавшаяся на отсутствие по этому поводу распоряжений свыше. В отношении А.Ф. Квитки и уездных, подписавших постановления 24 и 26 сентября, высказывания ряда депутатов от валковских и волчанских дворян носили явно угрожающий тон. Они требовали копий этих постановлений, равно и письма к Кутузову, и грозили представить все это «куда следует», так как документы-де были составлены «без воли, сведения и согласия всего дворянства». Однако таких оказалось меньшинство. Большинство же постановило: в связи с ослаблением военной опасности, а также отсутствием сведений о реакции петербургских властей, «действительное составление предположенного земского ополчения на сей раз приостановить». «Но, дабы ни в коем случае не понести на себе укоризны безопасности, не свойственной сынам отечества, борющегося еще с врагами своими; дабы соответствовать прежним нашим началам, которые были изложены от лица дворянства губернии нашей пред его светлостью... Михаилом Ларионовичем Голенищевым-Кутузовым, и заслужить его благосклоннейшее одобрение...», собрание рекомендовало помещикам назначить из каждых 50 душ по одному казаку и, «вооружа и снабдив их пристойным образом, приучать к военному порядку, отнюдь не отделяя их однако от жилищ и обыкновенных их упражнений...». В уездах следовало «приступить немедленно к назначению способных и достойных чиновников по числу казаков», а также открыть «подписки для беспоместных дворян и разночинцев, желающих занимать места в земском ополчении». Организационные структуры предполагалось сохранить те же, что были у милиции 1807 г. В заключение постановления подчеркивалось, что «будет иметь место назначения только и домашнее приуготовление, а не действительное составление нашего ополчения, что совершенно согласно и с волей его светлости... господина фельдмаршала»^x. "Таким образом, в октябре, как и раньше — в июле и сентябре, — Харьковское ополчение так и не было создано, а все принятые на сей счет решения остались лишь на бумаге.

Упоминание же о Харьковском ополчении как реально существовавшем, хотя вскоре расформированном, встречающееся в широко известных работах Б. Ф. Ливчака и В. И. Бабкина, не соответствует действительности^{xi}.

В ноябре подоспел ответ на губернаторский запрос из Петербурга от Комитета по внутреннему ополчению. Рассмотрев предложение о формировании ополчения, Комитет «рассудил, что мера сия, свидетельствующая усердие благородного харьковского дворянства, не признается однако теперь нужною по изменившимся обстоятельствам...»^{xii}. Решение Комитета было доложено императору Александру. Он согласился с ним и «высочайше повелеть изволил объявить помянутому дворянству монаршее благоволение, а между тем генерал-лейтенанту Хорвату поставить на вид, что при делании ополчения противу отечественного врага... небольшое число оставшихся к тому непреклонным, не может быть принято правительством с выгодным заключением на счет последних; и что ожидание высочайшего на составление ополчения повеления, чем отзывался генерал-лейтенант Хорват... не может служить ему извинением...»^{xiii}. Для гордого и самолюбивого Хорвата это был большой удар. Но он не смирился: в марте 1813 г. написал на имя царя, обвиняя губернатора в клевете «за то, что я не захотел участвовать в дар, ему собранный до пятидесяти тысяч рублей... по желанию губернского предводителя Квитки с некоторыми единомышленниками устроенный». И обоих в том, что в случае с ополчением они действовали «по известным лишь им видам». Бахтин и Квитка вынуждены были давать объяснения, отрицающие обоснованность обвинений Хорвата^{xiv}. В конце концов некрасивая эта история

закончилась не в пользу последнего, ибо и губернатор и губернский предводитель оставались на своих местах.

Не следует, однако, думать, что все участие Харьковской губернии в событиях 1812 г. ограничилось бесплодными, в итоге, заседаниями местных представительных органов да дразгой между губернским начальством и отдельными дворянами. Усилиями всех обитателей Харьковщина сделала свой взнос в достижение победы над Наполеоном. В губернии проведены 2 рекрутских набора, давшие армии более 16 тыс. чел., для ее нужд поставлено более 3 тыс. лошадей^{xv}. Были сделаны большие пожертвования на военные нужды и в пользу людей, «которые, вышед из мест, занятых неприятелями, не имеют пристанища...». Жертвовало дворянство, жертвовало купечество, жертвовала церковь. Епископ Слободско-Украинский и Харьковский Христофор сообщал губернатору Бахтину о пожертвовании золотых и серебряных вещей, «которые находились в церковных ризницах без всякого употребления». Собрано было золота — 14 1/4 золотника, серебра — 2 пуда 11 фунтов и 47 золотников. Духовенство также пожертвовало более 6 тыс. рублей ассигнациями и 237 аршин холста. Учащиеся Харьковского коллегіума объявили желание поступить в ополчение. Среди них 15-летний Дмитрий Корендович, 16-летние Петр Рыбчинский и Павел Ключников, 17-летний Иван Петрусенко, Иван Склобинский — восемнадцати лет^{xvi}. Кроме того, губерния обеспечивала всем необходимым проходившие с Дона на театр военных действий войска и содержала несколько сотен военнопленных французов и поляков.

При всем том, одновременно с пожертвованием на ополчение харьковские дворяне собрали по подписке 7 тыс. рублей на основание в городе Института благородных девиц, который и был торжественно открыт 10 сентября 1812г.

Подводя итог всему содеянному в том памятном году, А. Ф. Квитка имел все основания утверждать, что «кроме весьма малого числа особ, предпочитавших сохранение своего имущества общей пользе и приискивавших разные предлоги... отклонить и малейшие от себя расходы, все прочие, как истинные сыны отечества, готовы были на всякие жертвы и почитали обязанностью предупредить в том желание правительства».

Примечания

ⁱ *Багалея Д.И., Миллер Д.П.* История города Харькова за 250 лет его существования. Т.2. Харьков, 1912, с.186.

ⁱⁱ Участие харьковского дворянства в Отечественной войне 1812 года, по архивным сведениям из дел канцелярии Харьковского дворянского депутатского собрания. СПб., 1912, с.8-10.

ⁱⁱⁱ Там же, с.24.

^{iv} *Илляшевич Л.В.* Краткий очерк истории харьковского дворянства. Харьков, 1885, с.80.

^v *Берлин П.А.* Русское купечество и война 1812 года/Отечественная война и русское общество. Т.5. СПб., 1912, с. 114.

^{vi} К истории харьковского земского ополчения в 1812 году (По семейному архиву рода Хорватов)//Русская старина. 1905, Кн.3, с.577-581, 596, 597.

^{vii} Участие харьковского дворянства в Отечественной войне 1812 года..., с.13,14.

^{viii} К истории харьковского земского ополчения..., с.584-586.

^{ix} М.И. Кутузов. Сб. документов. Т.1У, ч.2. М., 1955, с.51.

^x К истории харьковского земского ополчения..., с.582—583.

^{xi} *Ливчак Б.Ф.* Народное ополчение в вооруженных силах России 1806-1856 гг.//Уч. тр. Свердловского юридич. ин-та. Т.4. Свердловск, 1961, с.104-105; *Бабкин В.И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962, с.88.

^{xii} Государственный архив Харьковской области (ГАХО). Ф.3, оп. 19, д.233, л.60.

^{xiii} Там же, л.115.

^{xiv} Там же, оп.20, д.408, л.1.

^{xv} Участие харьковского дворянства в Отечественной войне 1812 года..., с.17-21.

^{xvi} ГАХО. Ф.3, оп.20, д. 196, л. 1,9.